

Глава I

Волх Всеславьевич

Эта былина считается одной из древнейших, она известна в 11 записях⁷. Если сказитель знал ее (а пели эту былину крайне редко), то при издании она идет первой. Многие сборники начинаются именно с нее. Так поступает и Пропп в книге «Русский героический эпос». Мы сделаем так же, но причины у нас будут совершенно другие.

Былина начинается с зачатия героя от змея:

*По саду, саду по зеленому ходила, гуляла
Молода княжна Марфа Всеславьевна;
Она с камню скочила на лютого на змея.
Обвивается лютый змей около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова, хоботом бьет по белу стегну*.
А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила. (КД 6)*

Когда рождается Волх, дрожит мать сыра земля, колеблется море, прячутся звери, рыбы и птицы.

Сразу же после рождения (а в сибирской версии еще даже из чрева матери) он просит:

*Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные. (КД 6)*

Но латы ему не понадобятся: он обучается «премудрости» оборотничества.

* В былинах *хоботом* змея называется его хвост. *Стегну* — устаревшее название бедра.

*А и первой мудрости учился —
Обвертываться ясным соколом;
Ко другой-то мудрости учился он, Волх, —
Обвертываться серым волком;
Ко третьей-то мудрости учился Волх —
Обвертываться гнедым туром — золотые рога. (КД 6)*

Потом Волх собирает дружину и отправляет ее ловить пушного зверя, но дружина не может никого поймать.

Повернулся Вольга сударь Буслаевич левым** зверем,
Поскочил по сырой земли, по темну лесу,
Заворачивал куниц, лисиц,
И диких зверей, черных соболей. (Рыб. 38)*

Затем точно так же происходит охота на птицу — Волх оборачивается исполинской Ногай-птицей — и ловля рыбы: Волх превращается в рыбу-щучину.

*Заворачивал рыбу семжинку и белужинку,
Щученьку и плотиченьку,
Дорогую рыбку осетринку. (Рыб. 38)*

После этого Волх собирается в поход на вражеское царство. Оно называется Турецким или Индейским (то есть Индийским), и эти названия явно поздние. Чтобы разведать планы царя Сантала (сильно искаженное слово «султан»), Волх оборачивается малой птицей-птащицей и летит подслушать его разговор с царицей: тот намерен идти в поход на святую Русь и взять девять городов;

* Имя Волх нередко заменяется на Вольга, но Буслаевич — личное привнесение сказителя.

** Львом.

жена рассказывает Санталу свой вещий сон, сулящий поражение.

Узнав планы врага, Волх принимается вредить ему:

Он обвернулся горно́сталем,
Бегал по по́двалам, по по́гребам,
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал,
У того ружья ведь у огненного
Кременья и шомполы повыдергал. (КД 6)
И у оружей замочки повывертнел,
В боченочках порох перезалил. (Рыб. 38)*

Это сочетание древних луков с «огненными ружьями» показывает, как в былине могут уживаться следы культуры самых разных эпох. Важно, что между этими двумя записями — более ста лет и двух тысяч километров (сборник Кирши Данилова записан в 1742 году в уральском Невьянске, сборник Рыбникова — в 1860-е годы в Карелии), однако они выглядят как часть одного целого. Это значит, что такое «осовременивание» не является авторским домыслом кого-то из сказителей, более того — раз оно есть в уральском тексте, следовательно, утвердилось в былине задолго до прихода русских поселенцев на Урал. Что ж, огнестрельное оружие широко распространилось на Руси в XVI веке (отсюда, собственно, и термин «стрелец»), так что эта деталь быliny, хоть и выбивается из древнерусского колорита, является тоже достаточно древней.

Возвращаемся к сюжету. Испортив оружие врага, Волх оборачивается волком и загрызает коней в конюшнях, после чего идет к дружине и превращает ее в муравьев, чтобы

* Горностаем.

они проникли сквозь неприступные стены Индейского царства. Затем начинается страшная резня:

«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старого, малого,
Не оставьте в царстве на семена,
Оставьте только вы по выбору,
Не много, не мало — семь тысячей
Душечки красны девицы».* (КД 6)

Женщины становятся рабынями:

*Старушечки были по полушечке,
А молодушечки по две полушечки,
А красныя девушки по денежке.* (Рыб. 38)

Волх убивает царя, женится на царице и щедро одаривает дружину оружием, конями и казной.

Как видим, сюжет очень сильно отличается от нам известных — и по степени мифологизации, и по тому, что в ней изображен чисто грабительской поход.

В. Я. Пропп считает былинку древнейшей⁸ — из-за того, что она переполнена мифологией. Но это не аргумент: как уже было сказано ранее, Пропп не учитывает вторичной мифологизации. Да, Волх — охотник, да, князь-оборотень с дружиной охотников — все это очень архаично, но про такую архаику мы читаем у того же Проппа в «Исторических корнях волшебной сказки», где он рассматривает русские сказки на фоне наиболее архаичных культур человечества⁹. То есть

* *Гой еси* — древнерусское выражение со значением «будь жив», «будь здоров».

архаика доземледельческой культуры отлично сохранилась в русской сказке и могла в самое позднее время повлиять на былинку. Аргумент в пользу влияния сказки — троекратная охота Волха (как мы знаем, утроение — чисто сказочный мотив)¹⁰, причем в уральской версии ее нет. Как мы еще убедимся на страницах этой книги, уральские и сибирские записи былин часто сохраняют более древние формы сюжета и текста.

Чтобы доказать абсолютную, хронологическую древность былин о Волхе/Вольге, нам нужны совершенно другие аргументы. Самое интересное, что часть из них Пропп приводит, но не придает им значения.

Волх — единственный (!) в русском фольклоре князь с дружиной. Владимир Солнышко — образ более поздний, это фактически государь Московского царства (о чем многократно писали ученые)¹¹, да и дружины у него почти нет: в абсолютном большинстве сюжетов его богатыри действуют поодиночке. Волх же заботится о дружине; то, как щедро он ее одаривает, вызывает в памяти эпизод из «Повести временных лет», где дружина Игоря, мужа княгини Ольги, жалуется на отсутствие дорогого оружия и нарядов и требует от князя, чтобы он повел их собирать дань, то есть, по сути, примерно в такой же грабительский поход, разве что без тотальной резни. Волх все делает сам, чем поразительно напоминает другого князя — Владимира Мономаха (в своем знаменитом «Поучении» Мономах пишет: «Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя... и о соколах и о ястребах заботился»¹²). Пропп приводит цитату «дружина спит, так Волх не спит», которая идеально гармонирует с «Поучением»¹³.

То есть при всей мифологизации Волх — это идеальный князь X–XII веков. И его охотничью магию гораздо интереснее рассматривать не в контексте доземледельческой

эпохи, а на фоне того же «Поучения», в котором самое, пожалуй, известное место — рассказ Мономаха о его охотах. («Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул».) Доблесть на охоте — очень важная составляющая имиджа князя.

Также Пропп совершенно прав, напрямую сопоставляя текст былины и «Слова о полку Игореве». Волх, едва родившись, просит матушку не пеленать его, а одеть в доспех, в «Слове» читаем про бойцов, спеленутых под трубами, взлелеянных под мечами и вскормленных с острия копья. То есть перед нами общее место домонгольской словесности.

Еще Пропп упоминает имя матери Волха — Марфа, но не придает ему значения. А зря! Как доказано (подробнее в разделе о Добрыне), имя «Марфа» и подобные в былинах восходят к «Малфрид» — полному имени той, кого мы знаем как Малушу, мать Владимира Святославича. В былинку о Волхе оно перешло явно из былины о Добрыне. Матери Волха вообще в этом смысле не повезло: сказители именуют ее тоже «Всеславьевной», как и ее сына.

И наконец, о Всеславе. Русская культура знает не так уж много князей-оборотней... говоря точнее, их ровно два. Один из них — былинный Волх Всеславьевич, другой — Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве», который «обернувшись волком, пересекал великому Хорсу путь», то есть рыскал в темноте, до восхода солнца*. Понятно, что в «Слове» — метафора, но совпадение имен героев настораживает. Не был ли изначально герой былины «волхом Всеславом»? Имя «Волх» однокоренное к слову

* Хорс — русский бог солнца.

«волшебство», означает чародея, каким является былинный герой и каким метафорически изображает автор «Слова» князя, сеющего усобицы по русской земле. Это сходство было подмечено учеными еще в XIX веке: «...былина о Волхе Всеславьевиче совпадает в некоторых чертах с древними сказаниями о князе Всеславе Полоцком, отразившимися в “Слове о полку Игореве”»¹⁴. Еще одну черту сходства дает нам «Повесть временных лет»: «...мать же родила его от волхвования. Когда мать родила его, на голове его оказалось язвено, и сказали волхвы матери его: “Это язвено навяжи на него, пусть носит его до смерти”, и носил его на себе Всеслав и до дня последнего своего, оттого и немилостив он был на кровопролитие»¹⁵. Загадочное слово «язвено» трактуется исследователями¹⁶ как околоплодная оболочка, которая в народной традиции понимается как «другое тело», то есть способность к оборотничеству и иным магическим действиям. Эти идеи были развиты в реконструкцию полноценного мифа о князе-оборотне. Помимо «Повести временных лет», «Слова о полку Игореве» и былины о Волхе, в данную реконструкцию также вошли сербские сказания¹⁷. Не все ученые согласны с ней¹⁸, но идея, несомненно, очень притягательна.

В любом случае, если и искать у былинного Волха исторический прототип, то быть им, вне сомнений, может только Всеслав. Это важно подчеркнуть потому, что самые первые исследователи и издатели былин отождествляли его с другим князем — вещим Олегом (а былину так и называли — «Олег Святославич», трактуя так вариант имени Волха — Вольга). Эту позицию решительно раскритиковал Пропп¹⁹: походы Олега на Царьград и Волха на Индию объединяет только захватнический характер, и еще меньше сходства в легендарной смерти Олега от змеи и рождении Волха от змея.

После описания жизни Всеслава мы по-новому смотрим на Волха. Как справедливо отмечает Пропп, царство,

которое он захватывает, называют Индией, Золотой Ордой или Турецким, что говорит об утрате первоначального названия. А между прочим, в «Слове о полку Игореве» Всеслав «волком» добегал до Тьмутаракани (нынешней Тамани)! Тюркская Тьмутаракань — это действительно «царство Турецкое», так что соблазнительно было бы видеть в былине отражение реального похода полоцкого князя Всеслава Брючиславича... вот только на Тамань он не ходил (во всяком случае, летописных соответствий этому нет), поэтому придется остановиться на позиции Проппа, что изначальное название утрачено.

Однако и без Тамани у нас есть шанс найти «Турецкое царство», против которого сражается Всеслав (-евич). Главным противником этого князя был Владимир Мономах — неудивительно, что былина не подверглась циклизации вокруг Киева! И еще один любопытный факт. Именно в борьбе с «волхом» Всеславом Мономах впервые в русской истории нанимает половцев (то есть тюрок), именно с ними он в 1070–1080-е годы дважды разбивает Всеслава — под Полоцком и в Минске, где, как сам пишет, «не оставили ни челядина, ни скотины»²⁰. Это один в один соответствует описанию разгрома Турецкого царства Волхом. Итак, в реальности Всеслав терпит катастрофическое поражение, в былине — наоборот. Может ли такое быть?

Здесь мы сталкиваемся с уже упомянутой принципиальной особенностью эпоса — квазиисторией. Нас ждут былины о том, как татар разбили в первом же бою, как был освобожден от неверных Царьград, как братья-суздальцы не отдали Москву на сожжение Тохтамышу, аллюзии того, как сербы на Косовом поле победили турок (а не наоборот, как было в реальности). В мировом эпосе примеры можно умножать, самый яркий — как поражение Карла Великого в Испании превращается в завоевание Испании в «Песни о Роланде». Да и «Слово о полку Игореве», хоть

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

